
Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства»

Л.Е. БЛЯХЕР*, К.В. ГРИГОРИЧЕВ**, А.В. КОВАЛЕВСКИЙ***

***Леонид Ефимович Бляхер** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Константин Вадимович Григоричев** – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-5658>

*****Андрей Владимирович Ковалевский** – младший научный сотрудник, Департамент научных исследований, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, kovalevskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1576-337X>

Цитирование: Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Ковалевский А.В. (2023) Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства» // Мир России. Т. 32. № 2. С. 97–119. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-97-119

Аннотация

В статье анализируются социальные процессы, протекающие в пространстве, которое с точки зрения власти оказалось «пустым», лишилось социального измерения как результат сжатия социального пространства. В нем не остается ничего, что имеет интерес для власти и властных агентов, способных представлять власть на территории. Такое пространство превращается в территорию, понимаемую как чисто географическое образование, пригодное только для политической презентации и освоения в рамках неких глобальных проектов. Для управления такой территорией складывается особый режим, который мы обозначили как «периферия власти». Однако отсутствие интереса власти и формальных структур для сбора информации на такой территории не исключает наличия здесь социальных процессов, которые протекают за пределами властной рефлексии. Описание особенностей социальных процессов и ключевых акторов на периферии власти и выступает целью данной статьи.

В ходе серии экспедиций в районах верхнего течения р. Лены (2018–2022 гг.) было обнаружено, что на этой территории складывается особый локальный порядок,

Статья подготовлена при поддержке гранта ВОО «Русское географическое общество» № 18/2022-Р.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в январе 2023 г.

существующий рядом с глобальными проектами, но не пересекающийся с ними; он невидимый как для них, так и для власти. Для власти государства важно лишь то, чтобы в «пустоте» не возник иной, альтернативный источник силы, представляющий иные правила игры. Предполагается, что наличие на территории крупных корпораций позволит вновь превратить ее в социальное пространство, возродить здесь жизнь. Однако, как показало исследование, корпорации существуют в пространстве, не пересекаясь с местными жителями. Для того чтобы связать пространства, образуемые в этом локале властью различного уровня, корпорациями и местным миром, необходим медиатор, который мог бы, с одной стороны, действовать в «пустоте», то есть не быть властью, с другой, иметь возможность эту власть мобилизовать. Вариант появления и деятельности такого медиатора, обнаруженный в ходе полевого исследования, описывается в настоящей работе. Как представляется, он и производит тот локальный порядок, который способен сосуществовать с властью, оставаясь для нее невидимым и неопасным.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственное сжатие, «социальная пустота», периферия власти, территория, глобальный закон, локальный порядок, власть, корпорации, медиатор

Настоящая статья посвящена попытке осмыслить и описать формы локального порядка и особенности агентов, его создающих, в пространстве, которое, по общему убеждению, зафиксированному в официальных документах, оказалось «пустым» в результате сжатия освоенной, обжитой территории [Трейвиш 2010]. В лучшем случае оно трактуется как «территория освоения», где есть только некий мегапроект, который осуществляется в «пустоте» и заполняет ее [Замятина, Пилясов 2018]. Такое пространство делает содержащиеся в нем объекты неразличимыми для взгляда государственной статистики и управления [Hochberg 2015]. При этом подобное положение дел – отнюдь не социальная экзотика. Оно обнаруживается не только в межселенных территориях [Бляхер и др. 2022], но и в арктических, северных и просто удаленных районах, где расстояние между населенными пунктами таково, что пристальное внимание к ним со стороны государственного и муниципального управления оказывается избыточно затратным, а сами территории в глазах власти приобретают виртуальный характер [Замятина, Яшунский 2018]. Собственно речь идет не о какой-то географической конкретике, а об особой ситуации, которую мы обозначили термином «труднодоступность». Мы не сводим это понятие к активно разрабатываемому в антропологических исследованиях концепту «удаленности» (*remoteness*) [Ardenner 2012], но понимаем как положение, когда издержки контроля над пространством для властной структуры оказываются принципиально выше, чем выгоды, которые власть получает от этого контроля. В этих условиях и фиксируется сжатие, отсутствие того, что власть (с помощью статистики) может «видеть».

Сегодня все большее распространение получает мнение, что исследования пространственного сжатия не особенно актуальны в перспективе социологического и антропологического изложения. Процесс понятен и описан, последствия тоже более или менее изучены [Романова и др. 2015]. Однако представляется, что это не так, или не совсем так. Изучение процессов, протекающих в пространстве, оставшемся после сжатия, имеет значительный теоретический и методологический смысл для понимания современного российского общества *par excellence*.

Речь, конечно, не идет о том, что результаты вполне локального социально-антропологического анализа предполагается распространить на все социальное пространство России. В то же время именно это оставшееся после сжатия пространство способно преодолеть «парадокс именованного» [Бляхер 2005], затрудняющий, а порой делающий невозможным исследование иных локальностей. Социальное пространство в трактовке, проводимой в нашей статье, выступает в качестве «текста» и способов его считывания наблюдателем/участником данного пространства. Этот «текст» образован, с одной стороны, материальными артефактами, с другой, – повторяющимися конфигурациями социальных событий, включенных в него агентов [Лефевр 2015]. Соединение повторяющихся социальных конфигураций и их материального окружения порождает надделение самих артефактов социальными смыслами, которые и «считываются» агентом или наблюдателем в качестве элементов «текста». Но, организовавшись в качестве такового, это пространство просто заслоняет реальность от взгляда наблюдателя. Дальнейшее исследование обращено не на реальность, а на «текст».

В стандартных условиях исследования объективное положение дел осознается и осмысливается людьми во вполне определенном наборе терминов. Не столь важно, что термины эти почерпнуты из учебника “Economic”, телевизионных программ или передовиц популярного таблоида. Важно, что именно в этих терминах люди осмысливают себя, свою деятельность, окружающий мир: агент определяет себя и действует как «предприниматель», «чиновник», «гражданский активист» и т.д. С каждым из этих концептов связан вполне определенный набор практик и способов объяснения себя и других. Агент приписывает своим действиям вполне определенные смыслы, просто не имея названия для иных [Бляхер 2005]. В реальности, заданной этими концептами, социальный агент и существует.

Но в этих терминах вынужден осмысливать происходящее и внешний наблюдатель, иной возможности у него просто не остается. Даже если предположить, что наблюдатель создает некий метаязык описания реальности, позволяющий уйти от логики противостояния, для социального агента его релевантность будет отнюдь не очевидной. Если этот язык переводится на язык повседневного самоописания, то он для агента избыточен («я это уже назвал»); если же он не переводится на этот язык, то он просто неверный («этого в моей реальности нет»), тем самым исследование оказывается совершенно невозможным. Оно укладывается в логику сформированного дискурса, становясь не исследовательским, а политическим (социальным, этическим, эстетическим и т.д.) актом, соответственно, оно само должно быть исследовано. В этом виде оно не уменьшает, а увеличивает массу, подлежащую анализу, либо просто отбрасывается как враждебное. Жестко оговоренный (в терминах М.М. Бахтина [Бахтин 1986]) объект, социальная реальность оказываются «заколдованными», не поддающимися рефлексии и отторгающими ее. «Расколдовать» объект изучения (общество), прорваться за господствующий дискурс в этих условиях – важнейшая задача. Изучение того, что происходит в пространстве после сжатия, и позволяет, на наш взгляд, это сделать. С точки зрения властного наблюдателя, носителя господствующего дискурса, в нем не обнаружено то, что могло бы быть «считываемо» в качестве наполнения этого пространства. Именно в этом смысле мы и говорим о «пустоте». Опустевшее пространство превращается в *территорию* – некую протяженность, лишенную считываемого социального и хозяйственного наполнения [Филиппов 2009]. Социальные смыслы

не исчезают полностью, но объем их сокращается настолько, что территория выпадает из привычных форм осмысления социального пространства.

Сам процесс сжатия, отраженный в драматической визуальности брошенных деревень [Bliakher et al. 2021], порождает переходное (лиминальное) пространство, где сохраняются очаговое расселение и минимальное число постоянных жителей. Но в доминирующем дискурсе такая лиминальность по определению временна и атрибутирует почти неизбежное превращение пространства в территорию. Не случайно именно термин «территория» используется в статистических и нормативных описаниях «пустого пространства» («межселенные территории»), а также активно присутствует во властной и корпоративной лексике («выехать на территорию», «работать на территории»). Такая дегуманизация (или точнее, десоциализация) пространства выводит работу с ним за рамки социальных интеракций, делая местных жителей и сообщества условно «невидимыми» или, по крайней мере, незначимыми. Территория – своего рода локальность в представлении Зигмунда Баумана, стигматизируемая и вытесненная на периферию жизни глобальными процессами: «“Локальность” в глобализуемом мире – это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобство “локализованного” существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие “локальность” теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю» [Бауман 2004, с. 10–11].

Территория, лишившаяся большей части социальных смыслов, обладает серьезной спецификой, касающейся освоенного и осмысленного пространства, которое стремительно превращается в пространство дискурса тотального противостояния. Во-первых, она существует, имеет официальный статус, включена в земельные кадастры, систему территориального управления, то есть эта территория, несомненно, есть, по крайней мере, на картах и в документах. Во-вторых, она отличается признанным статусом другого, «пустого»; имеет географический и политический смысл, но лишается смысла социального; у «пустого» социального пространства нет привычных имен. Соответственно, его можно назвать, осмыслить, осуществить исследовательский, а не политический или идеологический акт.

Внешне описываемые далее процессы и территории сходны с ситуацией в отдаленных, изолированных деревнях Русского Севера [Позаненко 2018]. Но есть существенное отличие, специфичное именно для Востока России и отчасти арктических территорий. В первом случае речь идет о преимуществах и недостатках изолированного существования вполне живого местного социума. В нашем исследовании и сам прежний социум, и прежняя структура социального пространства оказываются разрушенными. Речь идет не о том, как выживает изолированный социум [Трошина 2016], а о том, как появляются новые модели социальности, производящие современные формы социального пространства [Бляхер, Григоричев 2020], как происходит процесс (ре)освоения пространства, как возникают акторы, вновь наделяющие территорию социальными смыслами, которые связывают распавшиеся части в некоторое подобие единства, и восстанавливающие социальное пространство.

При этом важным условием существования и деятельности этих акторов выступает то, что для господствующего дискурса они остаются «невидимыми», как

и все жители «пустоты». Эти акторы и обозначены нами термином «медиаторы» – посредники между элементами, сохраняющимися в «пустоте», между «пустым» и «наполненным». Их активность превращает «пустоту» во фронтир между плотным, оговоренным пространством и пространством неназванным. Об этих медиаторах и пойдет речь.

Как будет показано ниже, трудами медиаторов в разряженном пространстве возникают новые формы социального взаимодействия, которые позже могут распространиться на иные, более обжитые участки. Этот опыт уже имел место в России 1980-х – 1990-х гг., когда маргинальные хозяйственные практики советского периода («цеховики», «ростовщики» и др.) начинали дрейфовать в социальный центр и становились доминирующими. Особенно важно для наших целей то обстоятельство, что люди в «сжавшемся» пространстве не стремятся к публичности и не презентуют себя. Соответственно, сами они, их реальность оказываются гораздо менее завязаны на дискурс, допускают гораздо большую свободу и в понимании, и в интерпретации. Однако прежде, чем перейти к анализу и выдвигению гипотез, следует описать сам объект, каким он предстал в экспедициях 2018–2022 гг.

Место исследования: пространство тени

Авторами статьи в ходе четырех экспедиций (с 2018 по 2022 г.) был обследован участок в верхнем течении р. Лена от п. Усть-Илга до впадения р. Лены и р. Витим, с заходом в р. Киренга от п. Окунайский до г. Киренск. Обследованы существующие и исчезнувшие селения (обход, наблюдение) на протяжении более 1400 км по течению Верхней Лены и ее притока р. Киренги, всего около 90 существующих, исчезающих и исчезнувших населенных пунктов. Было собрано в общей сложности 36 интервью, в том числе три интервью с бывшими жителями этого участка, два интервью с менеджером крупной компании, действующей на этой территории; остальные интервью (беседы) проводились в ходе экспедиций. В основном это были жители деревень (17 респондентов); часть респондентов (14 чел.) были прописаны в районных центрах, но более или менее постоянно проживали в деревнях. Некоторые из них не обозначили постоянную форму занятости; три человека отметили в качестве занятости предпринимательство (фермерское хозяйство, рекреация); два респондента представились главами поселений, хотя само сельское поселение как административный статус отсутствовало; восемь респондентов работали речниками, грузчиками, работниками лесопилки, строителями. Среди респондентов преобладали мужчины в возрасте 35–55 лет. Подробно технология исследования излагалась нами в предшествующих публикациях, посвященных этому пространству [Bliakher et al. 2021]. Следует отметить, что различий в ответах и трактовке событий не обнаружено ни в гендерном, ни в возрастном отношении. Кроме респондентов использовались информанты (случайные собеседники), позволяющие дополнить общую картину.

Экспедиции позволили сформировать три исследовательских кейса, связанных территориально, но представляющих собой различные варианты социального пространства. Стратегии исследования были более или менее сходными. Каждой экспедиции предшествовал достаточно долгий подготовительный период

(«длинный стол») [Штейнберг 2021]: собиралась статистика по будущему месту исследования, изучались публикации в СМИ, карты разного времени, спутниковые съемки будущего маршрута. Если удавалось найти бывшего жителя территории, по которой предполагался маршрут, то бралось ретроспективное интервью. Это позволяло заранее представить себе условия коммуникации, подготовить гайд для будущих интервью, определить объект исследования. В ходе экспедиции производились наблюдение, фото и видеофиксация маршрута и деревень, расположенных на нем (как правило, в статусе бывших), беседы и интервью с жителями и посетителями территории. При сопоставлении полученной информации с предварительно собранной получалась более или менее ясная картина происходящего на территории.

Первый кейс, включающий участок р. Лена, протяженностью около 320 км южнее БАМа, большей частью составляли межселенные территории, отнесенные к прямому ведению района, при этом исследователи исключали из маршрута администрации поселений, не выявленных на этой территории. В силу отсутствия поселенческой структуры в этом пространстве отсутствуют (физически) и представители власти, точнее, последние присутствуют на границах этого огромного участка, в райцентрах, появляясь в межселенном пространстве эпизодически¹. Как правило, приезд власти (полиции, представителей администрации районов, природоохраны и т.д.) связан с форс-мажорными обстоятельствами – лесными пожарами, опасными преступлениями и т.д. Визиты власти происходят и в тех случаях, когда кто-то, находящийся в этом пространстве, мобилизует ее. Тогда, по словам местных жителей, появляется «*полковница, баба по-нашему, с автоматчиками*». В обычных же условиях власть не исчезает, но присутствует на периферии, сохраняя роль главного контролера.

На территории практически отсутствует социальная инфраструктура: нет школ, фельдшерско-акушерских пунктов и легальных магазинов; после ввода в эксплуатацию БАМа регулярное судоходство, прежде связанное с северным завозом, было прекращено. Местные жители (в основном из райцентров) перемещаются по этому пространству на своих лодках летом и по льду на машинах в зимний период. Собственно, сам статус межселенной территории фиксирует ситуацию, когда в этом пространстве нет того, что было бы интересно власти как предмет владения, контроля или регулирования. Эти сотни километров вдоль реки представляют с точки зрения власти голую *территорию*, без людей, без хозяйствующих субъектов и т.д. Говоря в терминах А. Лефевра, власть на этом участке перестает «производить пространство» [Лефевр 2015], наделять смыслами объекты этого пространства, то есть социальное пространство заменяется на географическое, становясь всего лишь *территорией*.

Но такая замена пространства территорией, сжатие пространства существуют только с точки зрения власти. Для немногочисленных жителей межселенных территорий и райцентров (Жигалова, Усть-Кута) все выглядит несколько иначе: пространство сжалось исключительно для внешнего наблюдателя, тогда как для местного жителя, непосредственно включенного в это пространство, оно *освободилось*, сделав доступными для них многие прежде запрещенные или, по крайней мере, труднодоступные виды деятельности – охоту, рыбалку, собирательство, самые различные формы рекреации; они строят дома в «пустом пространстве»,

¹ Ситуация на этих территориях уже описывалась нами ранее [Bliakher et al. 2021].

обживают его. Более того, здесь начинают осваиваться уже и «олигархи» из областного центра. О таком «олигархе» мы услышали едва ли не в самых первых интервью. В деревне, где официально проживал один человек, располагались усадьба из нескольких капитальных строений и дома для obsługi (примерно 20 чел.). Территория усадьбы включала распаханное поле, мощную систему солнечных батарей, снабжавшую электроэнергией хозяйство, загон для содержания маралов, отгороженный участок реки и т.д. Новый «хозяин» начинал освоение «пустоты» на правах нового местного жителя, включившись в производство дискурса освободившегося пространства. Но документально всех упомянутых объектов просто не было: официально был центр по зарыблению участка реки, созданный социальным ответственным предпринимателем.

В этом пространстве, где «ничего нет», возникают достаточно сложные социальные связи и иерархии, связанные не только с имущественным расстройением, но и с ролью в местном разделении труда, статусом (местный/пришлый), возможностями мобилизовать власть, находящуюся на отдалении, степенью легальности своего пребывания на месте и т.д. [Бляхер и др. 2022].

Второй кейс (экспедиция в мае–июне 2022 г.) представляет собой участок р. Киренга протяженностью около 300 км севернее БАМа и имеет совершенно иные характеристики. Регулярное судоходство на этой территории, как и в первом случае, отсутствует; не везде (так же как на Верхней Лене) проложены линии электропередачи. Однако, в отличие от первого участка, здесь имеются и крупные поселения, и предприятия (корпорации) всероссийского уровня. Официальными доминантами этого пространства выступают БАМ и Ковыктинское месторождение, разрабатываемое «Газпромом». Крупные селения, стоящие на реке, большей частью переориентированы на эти доминанты, особенно в Казачинско-Ленском районе, где расположено месторождение. Местная активность оттеснена крупными компаниями на периферию; на самом месторождении и в связанных с ним сферах местные жители практически не задействованы. Как показывают интервью с менеджерами нефтяной компании, этому есть несколько причин. Во-первых, квалификация местных жителей не соответствует потребностям компании, в результате чего местные жители могут быть использованы только на подсобных работах. Но здесь возникает «во-вторых»: высокий спрос на временное жилье со стороны корпораций для приезжающих работников привел к стремительному росту цен на аренду. Доходы от сдачи недвижимости значительно превышают уровень зарплат, которые предлагаются за малоквалифицированный труд (цена аренды скромной советской трехкомнатной квартиры может доходить до 120 тыс. руб. в месяц). Поэтому значительная часть жителей п. Магистральный (ближайший относительно крупный населенный пункт к месторождению, расположенный на БАМе) массово сдает свое жилье работникам «Газпрома» и связанных с ним предприятий (оставляя свое жилье, они переезжают в расположенный в 15 км районный центр с. Казачинское). Кроме того, сам факт нахождения большого числа высокооплачиваемых работников нефтегазовой отрасли рядом с поселением создает дополнительные возможности заработка: так, в отличие от первого кейса, здесь активно присутствует «придорожная экономика» [Бляхер 2021]. Однако бедность торговой и обслуживающей инфраструктуры в сочетании с жесткими графиками и правилами труда на месторождении привели к появлению своего рода локальной «голландской болезни» [Забелина 2004].

Рядом с большой корпорацией возникли всевозможные варианты неформального предпринимательства в условиях острой нехватки всего необходимого, прежде всего жилья и любых форм рекреации. По мере удаления от п. Окунайский, где строится основной газовый терминал, от райцентра с. Казачинское, п. Магистральный (БАМ) появляются фермы и рекреационные зоны (охота, рыбалка, досуг), отсутствующие в официальном реестре и на картах, однако все эти предприятия находятся на расстоянии дневной транспортной доступности (35–50 км по дорогам разного качества) до крупных поселков и месторождения; дальше крупные поселения по реке до г. Киренска встречаются гораздо реже.

Важно, что, согласно ретроспективным интервью местных жителей, до начала активного освоения Ковыктинского месторождения и прихода больших денег (до 2012–2013 гг.) пространство постепенно превращалось в аналог того, что наблюдалось в рамках первого кейса в межселенных территориях. Собственно, значительная часть обследуемых территорий обладала этим статусом и до 2012 г.: здесь появлялись «бандиты из Усть-Кута», строились дачи, базы, ловили рыбу, но потом «народ поднялся», и они исчезли. Трудно сказать, насколько народ принимал в этом участие, но в тот период на этой территории началась активная работа «Газпрома». Бывшие межселенные территории были включены в состав ближайших поселений, власть стала несколько ближе, а территория вновь превратилась, по крайней мере, на уровне деклараций и юридических норм в *социальное пространство*. По всей видимости, все агенты, которые могли навязывать свои правила в этом пространстве, просто удалялись из сферы интересов корпорации. У районной власти появился дополнительный ресурс – налоговые отчисления в бюджет района, которые позволили, если не вдохнуть в него жизнь, то компенсировать самые неприятные стороны деградации. Так, в нескольких селениях, входящих в Казачинское муниципальное образование, были установлены солнечные панели, обеспечивающие локальное электроснабжение, проведены дороги, позволяющие в летний и зимний периоды добраться до райцентра на легковом автомобиле и т.д.

Однако контроль корпорации представляется существенно более селективным, чем государственный, поскольку отслеживаются только те сферы, которые так или иначе связаны с основной деятельностью компании, все остальное контролируется гораздо слабее или не контролируется вообще. Более того, крупные фирмы осознанно дистанцируются от местных проблем, строят поселки для своих работников за пределами селений с тем, чтобы избежать дополнительных платежей и издержек, связанных с необходимостью участвовать в жизни этих поселений. Возможности районной власти, как и поселений, части которых порой отстоят друг от друга на 60–70 км, тоже достаточно ограничены. Вследствие этого в «зазорах» между зонами контроля со стороны корпорации и муниципальной власти возникает местная жизнь: «фермы» и «рекреационные зоны» не мешают, а в чем-то и помогают корпорации, например, снабжают ее работников качественной мясомолочной продукцией. В то же время районная или поселенческая власти берут на себя какие-то оговоренные функции: так, в одном из интервью женщина-фермер рассказала, что до самого последнего времени (до установки в деревне солнечных батарей за счет районного бюджета) селение освещалось ее дизелем. Однако по мере удаления от ресурсного центра ситуация меняется – меньше дорог, но больше деревень с крайне небольшим числом оставшихся жителей. Формально

это не межселенные территории, однако от центра муниципального образования (сельского поселения) до деревень, в него входящих, часто столь значительное расстояние, что не юридически, но фактически их жители пребывают в условиях дистанцированной власти; многие из них официально проживают в райцентре, приезжая в свои селения на лето.

«Мы раньше тут с братом жили, остальные – кто разъехался, кто помер. Потом и брат мой помер, он старший был. Вот я один тут и остался, живу как-то. Вот картошку сажу, рыба есть. Летом из Иркутска приезжают на рыбалку. Я им тоже баню сдаю, ну, под жильё. А как осень, так возвращаюсь в поселок [райцентр с. Казачинское – прим. авторов]» (житель деревни по р. Киренге, 72 года).

В приведенном отрывке важным представляется не только то, что респондент не проживает постоянно в селении, но и тип заработка – сдача жилья внешним агентам, приезжающим на рыбалку, что является вполне распространенной практикой. Как выяснилось в ходе бесед с жителями селений на границе Казачинско-Ленского и Киренского районов, здесь сложилась специфическая ситуация с распределением полномочий в сфере природоохраны. Территория р. Киренги и ее притоков (место нереста ценных пород рыбы) была отнесена к ведению Усть-Кутского центра рыбоохраны межрайонного отдела Ангаро-Байкальского территориального управления Госкомрыболовства. Последний расположен от исследуемой территории более чем в 500 км по реке, и в условиях дефицита средств на приобретение горючего осуществление регулярного контроля над рекой со стороны природоохранных структур становится просто невозможным.

Таким образом, если в первом пространстве власть просто «уходит» юридически, делая все пространство «ненаблюдаемым», то во втором она все же остается, но исчезая в одной крайне важной сфере – природоохране, и именно здесь наиболее активно возникают иные неформальные отношения. Распространенной их формой выступает неформальная рекреация: это может быть вполне комфортная зона отдыха с домиками, сдаваемыми в аренду, с площадками барбекю, местами для рыбалки и лодочными пристанями; три такие рекреационные зоны были обнаружены в ходе экспедиции. В беседах с их владельцами постоянно упоминалось, что это не просто бизнес, но возрождение некогда исчезнувшей сети поселений, возрождение «родной земли», ставшей «пустой» вследствие неразумной государственной политики. В то же время потребителями таких услуг, по словам тех же информантов, выступают отнюдь не местные, но приезжие, правда, эти зоны отдыха всегда располагались близ крупных поселений (п. Магистральный, с. Казачинское).

Но рекреация может быть и гораздо более скромной: в большинстве деревень на этом участке отмечалась сдача внаем домов для приезжающих на рыбалку, и в данном случае следует отметить ряд моментов. Сдача внаем может осуществляться не только жителями данной деревни, но и их потомками, уже достаточно давно проживающими в райцентре. Зачастую сдается не дом, а переоборудованный амбар или баня, а дом используется в качестве места хранения лодки или склада. Однако следует отметить, что в настоящее время или ранее это сооружение

не всегда принадлежало сдающему: в «пустых» деревнях в этой роли может выступать любое брошенное строение. Сами же сдающие хоть и не всегда являются жителями деревни, но должны иметь постоянную связь с селением и быть местными. О влиянии городских денег на хозяйство деревни писалось уже не один раз [Ильин, Покровский 2016]. Но в нашем случае есть некоторые отличия: во-первых, этот промысел является не основным, а одним из многих промыслов местного населения, во-вторых, это, строго говоря, именно промысел, а не бизнес, и его содержание определяет не приезжий горожанин, а местный. Причем далеко не все имеют возможность снять временное жилье для охоты или рыбалки: сдают дома по большей части «хорошим людям», которых рекомендовали общие знакомые, живущие в городе или райцентре, они проявляют должное уважение к сдающему и т.д. Иное поведение вполне может вызвать не только отказ, но и агрессию в отношении «пришлого».

В нескольких интервью упоминались «бандиты», которые *«пришли ловить нашу рыбу»*; те же информанты утверждали, что *«у бандитов были все разрешения на ловлю, а нашим ловить не давали»*. То есть речь идет о попытке организации вполне легальной рыбной ловли, но, поскольку легализация здесь шла в обход местных, рыбаки в восприятии жителей оказывались «бандитами». Та же мысль в некоторых случаях относилась и к «москвичам», которые *«все здесь скупили, а теперь последнее забирают»*.

Местные жители, хоть и не имели никаких разрешений на вылов рыбы, были, по мнению респондентов, в своем праве, поскольку *«это наша река»*, на этом основан и рыбацкий промысел местных жителей, чаще проживающих в г. Киренске. Безусловно, речь не идет о промыслах масштаба Камчатки и Сахалина, но, по словам информанта, *«на жизнь хватает»*, при этом места ловли, по всей видимости, имеют своих «хозяев». Как отмечал информант: *«Это наша река [один из нерестовых притоков р. Киренги – прим. авторов]. Мы здесь всегда сети ставим»*. Мотив «хозяина» был крайне важен для респондентов и в ходе экспедиций 2021 и 2022 гг., это создавало легитимность в собственных глазах притязаний местных жителей на особые права в отношении места проживания.

Наиболее необычные явления были зафиксированы в третьем кейсе (экспедиция от Усть-Кута до Витима – июль–август 2022 г.) с общей протяженностью маршрута 720 км. Однако интересующая нас специфика социального пространства была обнаружена только в его северной части (от г. Киренска): здесь были все элементы, наблюдаемые в предшествующих экспедициях, на этом участке отсутствовали общедоступные круглогодичные трассы, линии электропередачи, собственно, сообщение с райцентром и далее было возможно только на период навигации. Учительница одной из немногих сельских школ на территории рассказывала, как не смогла на тракторе (автомобильное сообщение и пассажирское сообщение по реке в этот период отсутствовали) довести учеников в райцентр для сдачи ЕГЭ. На небольшом участке межселенных территорий, выходящих к реке, было зафиксировано усадебное строительство (с выкошенным газоном, садовыми скамейками у реки и даже «придомовой церковью»). На данной территории распространены и охотничий промысел, правда, в отличие от первого участка, он имел не рекреационный, а вполне прагматический смысл. Один из респондентов упоминал, как убитый лось «кормил» всю деревню, как продавались медвежьи шкуры, иные продукты промысла, дикоросы.

«К нам, конечно, не так часто приезжают, как хотелось бы. Но все, кто приезжают, просто балдеют. Тут тебе и рыбалка такая, какую нигде не найдешь, и охота. И ваши, из Иркутска, и из Братска. Я только москвичей не люблю: все им не так. Помню, как-то даже японцы прибились какие-то, потом благодарили часа три» (бригадир на пристани, 53 года).

Здесь можно было встретить и умирающие деревни, характерные для Верхней Лены. Как и в предшествующих экспедициях, основное население сосредоточено в райцентрах и крупных поселках. Мощным центром притяжения выступает Усть-Кут с его стройками, появлением региональных и федеральных гигантов. На данной территории существенно больше, чем в предшествующих локалах, особенно на участке между городами Усть-Кут и Киренск до поселка городского типа Алексеевск, крупных, «живых» поселений с работающими предприятиями, социальной инфраструктурой (школами, детскими садами, домами культуры, фельдшерскими пунктами, библиотеками); река на этом участке судоходна. От Усть-Кута, являющегося крупной станцией БАМа, осуществляется северный завоз, есть и пассажирское сообщение. Несмотря на то, что здесь проложены дороги, большая их часть является «технологическими» для нужд строителей трубопровода, и местные жители без специального платного разрешения к пользованию этими трассами не допускаются.

«Нас туда не пускают, шлагбаум стоит, сторожка со сторожем. Там для нефтяников дорога, а простые люди там рылом не выжили ездить» (житель селения, 54 года).

Отделены от деревень не только дороги, но и сами поселки нефтяников; мобильная связь тоже привязана к вахтовым поселкам, причем, как сказано в одном из интервью, администрация не собирается выкупать вышку, и в дальнейшем связь «уйдет» вместе с нефтяниками. Такая «стена» становится ярким воплощением «главных трофеев победителей в войне за пространство» – выражением свободы, позволяющей «бежать из данной местности», не заботясь о последствиях [Бауман 2004, с. 19]. Но «стена» строится с двух сторон как попытка отделить местный мир от глобального порядка корпораций: в трех поселениях на въезде установлены шлагбаумы (достаточно нехарактерное для сибирских деревень сооружение), которые должны «не пускать нефтяников, которые своими машинами дорогу совсем разбили».

На этой территории наиболее ярко проявляется дихотомия мира больших проектов (БАМ, Ковыкта, трубопровод) и местного сообщества. Поселки «Газпрома», «Транснефти», ИНК располагаются отдельно от поселений местных жителей, которые практически не привлекаются к работе: основной рабочей силой здесь выступают вахтовики. Большие дороги, крупные предприятия, временные (вахтовые) поселки и т.д. – это один мир, а река и тайга – другой, разительно отличающийся самим принципом организации пространства. Корпорация – временный и «пришлый», сконструированный, а местное сообщество – мир деревень, пусть и вымирающих, «Богом данный» [Luke 1996], и составляет, по словам информантов, «суть нашей земли».

При всей разнородности описанных кейсов их объединяет появление в рамках пространства, наполненного социальной жизнью, десоциализированного пространства, в котором местные жители и их сообщества растворяются, становятся «невидимыми». Локальная жизнь с позиции внешнего наблюдателя (власти, корпораций) выглядит в данном случае незначительной, не затрагивающей ни значимые экономические процессы, ни основы социальной организации. Этот взгляд прочно аргументируется официальным статистическим наблюдением, фиксирующим быстрое сокращение населения, сжатие поселенческой сети и свертывание хозяйственной активности. В первых двух кейсах такой взгляд во многом подтверждается и экспедиционными наблюдениями. Тем ярче представляется отличие третьего кейса, где наряду с описанными сюжетами появляется уникальная фигура местного «барона», «хозяина» реки и тайги: он не вписан в мир больших проектов, но создает из остатков местного сообщества и новых поселенцев самобытное социальное пространство.

«Хозяин» тайги

О «хозяине» этих мест авторы статьи услышали задолго до того, как проникли в его пространство: один из респондентов, проживающий в деревне, которая находилась по маршруту третьей экспедиции, рассказывал, как вымирает село, как практически исчезли все возможности для работы:

«Вот, когда Т. [фамилия нашего героя – прим. авторов] придет к власти, ну, ты понимаешь, когда он сюда придет, то все изменится: и поля распашет, и скот будет, и работа. Там, куда он зашел, везде так» (один из трех жителей селения, старше 65 лет).

Рассказывали в интервью и о сферах деятельности этого «хозяина». Основная его бизнеса – заготовка леса, производство пиломатериалов, с этого начиналось его вхождение в регион, также для перевозки леса тем же «хозяином» были учреждены транспортные компании: сначала автотранспортная компания, потом флотилия речных судов. Ко времени проведения экспедиции в иркутских районах р. Лены эти суда стали основными речными перевозчиками, которые обеспечивают и северный завоз, и перевозку грузов самого предпринимателя, и пассажирские перевозки. В одном из бывших населенных пунктов находятся производства, изготавливающие пиломатериалы для отечественных и зарубежных потребителей, помимо этого есть лесные деляны, пристани для загрузки леса на суда, торговые предприятия самого разного профиля, строительная компания. Несколько лет назад появилось новое направление – сельское хозяйство (мясомолочное направление), центр которого расположен ниже по реке.

«Сам нам так и сказал, что лес не вечен, нужно в землю вкладываться, тогда и начали скупать колхозные паи, землю пахать, скотину разную, коров и бычков

разводить, зерно сеять. Считай, что до В. [название населенного пункта – прим. авторов] вся земля, которая в деле, теперь ему принадлежит» (работник предприятия, житель деревни на р. Лене, старше 40 лет).

За все время экспедиции участники только один раз (на р. Киренге) услышали отзыв о представителе муниципальной власти. В то же время о «хозяине» Т. так или иначе упоминали все информанты, вступавшие с нами даже в краткую беседу, поскольку его деятельность, его предприятия определяют облик территории существенно больше, чем проходящее там строительство трубопровода «Сила Сибири».

В то же время об этом предпринимателе в сети, кроме официальных свидетельств о регистрации его предприятий и их финансовой отчетности, за 20 лет его деятельности можно обнаружить только две панегирические статьи в СМИ (2009 и 2018 гг.) и сведения о том, что в 2013 г. он выдвигался на выборах в Законодательное собрание Иркутской области, но предпочел снять свою кандидатуру. В зоне его интересов (более 300 м по реке) мы не нашли ни дворцов, ни усадеб, выступающих элементами престижного потребления и отражения ключевого статуса этого человека. Было ощущение, что он не просто не стремится к публичности, но максимально избегает ее, при этом его нельзя причислить к теневым акторам: его предприятия показывают официальный оборот в 4,3 млрд руб. (2021 г.) и он пользуется областной дотацией на пассажирские перевозки.

Сведения о нем в основном были получены из рассказов местного населения и его работников. В отличие от крупных компаний, которые, по словам информанта, *«ближе, чем тысячу километров отсюда никого на работу не берут»*, у Т. работают и местные, и вахтовики из числа жителей ближайших районов и граждан государств – бывших советских республик. При этом условия работы вахтовиков отличаются от требований, предъявляемых местным жителям: *«К нам один раз помощника прислали от Т., ну, этого, с вахты. Так он с нами поработал и все клял “хозяина”. Говорил: “У вас рай, а там ад”»* (мужчина, житель поселка на р. Лене, 54 года, бригадир грузчиков). И это при всем том, что вахтовикам оплачивают проезд до места работы, обеспечивают трехразовым питанием и спецодеждой, у них есть свои магазины и места рекреации. Поскольку даже на основе поверхностных наблюдений можно заключить, что число вахтовиков значительно, видимо, оплата труда их тоже устраивает. «Ад» же сводится к крайне жесткой дисциплине, насаждаемой «хозяином», которая почти повторяет условия труда на золотопромышленных приисках, описанных в исторических исследованиях [Зиновьев 2014].

«Мне один парень рассказывал. Приехали они на автобусе на вахту, а там пьяные, и бычки валяются; их всех, несмотря на то, что они только приехали, на пять тысяч оштрафовали. Он сам не курит и трезвый был. Пошел к начальству жаловаться, так ему еще семь тысяч штрафа приписали за неуважение к начальству. Вот и выходит, что он и дня не проработал, а уже двенадцать тысяч должен. У них все так: работа весь день, отдых только, когда объявят перерыв, выпил – штраф, покурил в неположенном месте – штраф, за драку – штраф, а деньги только после вахты» (житель поселка на р. Лене, 51 год).

Требования к местным менее жесткие, правда, и оплата труда, по словам информантов, ниже, чем у вахтовиков. Отношения «хозяина» с местными складываются не просто. С одной стороны, он, бесспорно, «благодетель». По словам информанта, в деревни, с жителями которых у него хорошие отношения, его предприятия проводят дороги, в них устанавливают солнечные батареи, что для района, где отсутствует ЛЭП, является существенным благом; «хозяин» может выдать жителям на зиму дрова (отходы работы лесопилок), продать по льготной цене зерно или муку, «не заметить» дополнительных пассажиров или грузы на своих судах или наоборот, но для этого с ним нужно дружить.

«Я как-то привез ягоды в Д. [название бывшего населенного пункта, где расположены основные производства – прим. авторов], которые наши насобирали. Настоящие, таежные. У них и запах, и вкус особенный. Хотел ему продать, а он уперся. “Не буду, – говорит, – по этой цене брать”. И предлагает мне совсем смешную цену, хотя и я, и он цену знаем. Только он не стал брать. Ну, я, чтобы его не обижать, что через его голову торгую, его замам просто так раздал, без денег» (староста селения на р. Лене, старше 50 лет).

С другой стороны, плохое отношение «хозяина» к той или иной деревне связано с посягательствами на его «волну»: так, в одном из интервью респондент на вопрос, почему он не держит скотину, объяснил, что главная проблема – корма, которые есть только у Т. Но, когда местный житель к нему обратился, «хозяин» отказал, сказав, что у него есть собственные бычки и коровы, однако с готовностью предоставил бы корма, если бы местные стали разводить птицу. Тем не менее, деревенские передумали, испугавшись, что «хозяин» потребует продавать птицу по слишком низкой цене, а за отказ лишит кормов. После этого инцидента «отказники» на некоторое время попали в число изгоев, но откупились шкурами ценных пород зверей.

Вполне очевидно, что если отношения «хозяина» с работниками-вахтовиками можно охарактеризовать как критически напряженные, то с местными работниками и жителями они весьма противоречивые: «своим» он приказывает, с местными пытается договориться. Из собранного материала не совсем понятно, выстраиваются ли у «хозяина» какие-то отношения со строителями трубопровода, с разработчиками газового месторождения, но отношения с местной властью однозначно сформированы: он обещечивает (едва ли без ведома и инициативы местных властей) молоком школьников и воспитанников детских садов, помогает содержать транспортную инфраструктуру на реке, часто решает проблемы поселений.

«Нам район уже лет пять обещал пристань поставить. Куда только не обращались, даже в прокуратуру писали, только толку нет: приехали какие-то важные [чиновники – прим. авторов], все записали и уехали. И все осталось, как было. А он просто взял и сварил пристань» (житель села на р. Лене, 51 год).

Распределенный характер бизнеса Т. предполагает не просто поддержание существующей, но и строительство новой транспортной инфраструктуры.

В ходе экспедиции были отмечены более десятка локальностей, где с применением тяжелой техники строились участки дороги, мосты через притоки р. Лены. Эти объекты, нарушающие все экологические, а часто и строительные нормы, деюре не существуют, но становятся важным элементом локальной жизни, обеспечивают связанность небольших поселений. В условиях острой недостаточности дорог именно эта инфраструктура становится для местных жителей важнейшим инструментом превращения отдельных обжитых локальностей в целостное пространство, способом «сшивания» лоскутного одеяла деревень и поселков в более или менее единое целое. Для внешнего наблюдателя, основывающего свой анализ на данных статистических описаний, эта связь не очевидна, но для местного населения является повседневной и значимой. Если власть «забыла» о них, «бросила» (*«для власти нас тут нет»*), то Т. взял на себя функцию центра, обеспечивающего связанность пространства и сообществ, становясь таким образом исполнителем властных функций, которые оказываются обременительными для власти и выносятся ею на аутсорсинг.

Медиатор пространства

Собранный массив интервью и проведенных наблюдений позволяет сделать вывод о явно проявляющейся тенденции к деградации местных сообществ, хотя существует и объединяющий момент, возникающий при внешних контактах: все представители сообщества являются местными жителями. Судя по данным интервью, местный – это не просто указание на локализацию в пространстве, но особый и привилегированный социальный статус. В то же время внутри сообщества уровень солидарности представляется достаточно невысоким: так, многие респонденты, особенно жители моложе 50 лет, отмечали, что *«кто-то работает, а кто-то водку пьет, на чужом горбу хочет в рай въехать»*. Но далеко не только местные населяют это пространство: на одной территории существуют, практически не замечая друг друга, «местные» и «пришлые», «население» и «вахтовики», «железнодорожники» и множество других социальных групп. При этом конфликта за пространство, описываемого Д. Харви для города [Harvey 2008] и З. Бауманом касательно глобальной перспективы [Бауман 2004], не происходит именно потому, что, проживая на одной территории, они живут в разных пространствах.

Пространство местных уже сложилось и состоит из всех элементов, попавших в «мир реки», причем не столь важно, остатки ли это советской инфраструктуры или вышки связи, поставленные строителями трубопровода, вновь распаханное поле или таежные и речные промыслы. Для «людей реки» (местных) это все – их ресурсы выживания. Особый статус местных, укорененных на территории людей, позволяет им претендовать на все эти ресурсы. Да и сам статус весьма своеобразен: с одной стороны, они – «хозяева» земли и реки, с другой, – пострадавшие от распада советской системы, и нуждаются в опеке и заботе со стороны властей, которые *«совсем нас не видят, думают, что нас здесь нет»*. В то же время, как отмечалось выше, местные различаются по степени укорененности (прописанные, приезжающие из райцентра на лето, те, кто «крутится», те, кто доживает и т.д.).

Правда, это не мешает каждому местному считать себя «хозяйном» этого пространства, требовать особого отношения.

Пространство корпораций выстроено в совсем иных координатах: это мегапространство, охватывающее огромную часть страны, сопредельные страны, включенное если не в глобальный мир, то в его значительную часть – Восточную Евразию. «Мир реки» для них – только одна из «пустых территорий», по которой трубопровод прокладывается до пространства, где находятся потребители. Характеристики территории задаются не местным населением, а системой законов, регулирующих строительство или добычу углеводородов, а также неформальными договоренностями между корпорацией и различными уровнями власти – от федерального центра до района. Они – «чужие», но привилегированные «чужие», решающие задачи федерального уровня.

В отношении областной и региональной властей, для которых крупные корпорации на местах являются не объектом управления, а «старшими партнерами», действуют идеологема о мультиэффектах, которые их пребывание вызовет в субъекте федерации, и установка о благах, которые несет корпорация для местного населения [Заборцева, Руднева 2016]. Отчасти это относится к районным центрам (главным образом, г. Усть-Куту, узловой точке территории). Но в целом, за исключением необходимых отчислений в районные и областной бюджеты, корпорации старательно дистанцируются от «случайного места», в котором реализуется их деятельность. Десоциализация пространства, его дискурсивное превращение в «территорию» хорошо укладываются во властный дискурс сжимающегося пространства, что обеспечивает легитимизацию такого взгляда.

Не менее сложным, хотя и иным предстает пространство власти. По идее, именно власть, прежде всего местная, должна участвовать в производстве социального пространства или, по крайней мере, упорядочивать его [Барсукова, Денисова-Шмидт 2020]. Но в условиях, когда различные части поселения отстоят друг от друга на десятки километров бездорожья с рекой в качестве главной и часто единственной транспортной артерии, контроль, а тем более принуждение к соблюдению правил и производство порядка мало реализуемы. Более того, оно нерационально, поскольку усилия по производству порядка для власти (местной, государственной) требуют гораздо больших издержек, чем те блага, которые, в принципе, могут дать эта территория и ее население.

В данном случае можно отметить и объективное обстоятельство: некая гомогенная власть существует всего лишь в представлении публицистов. В реальности же властные уровни и субъекты находятся в состоянии сложнейших и изменяющихся отношений, обладая собственными, не всегда согласованными интересами: они различаются по уровню представлений, ресурсам, задачам и многому другому [Моляренко 2018]. Местная власть (прежде всего, районная) выстраивает с властью областной достаточно сложные отношения. От второй, традиционно выступающей как донор, зависит, какой именно объем благ будет распределен на нижестоящий уровень, на каких условиях эти блага будут даны. Из этой диспозиции проистекает стремление подать ситуацию на территории так, чтобы этот ресурс стал максимальным и предоставляемым на наиболее благоприятных условиях, то есть возникают искажения первого порядка. В свою очередь у властей субъекта федерации есть свои параметры отчетности и собственные КРІ, и они тоже выступают в качестве реципиента по отношению к донору – центральной власти. Более

того, именно на этом уровне статистическая информация легализуется, поскольку фактически здесь находятся органы учета статистических показателей. Для того чтобы области/краю получить максимальный объем ресурсов на наиболее льготных условиях, возникает искажение второго порядка, которое и транслируется на уровень федеральной власти. В результате работы с этой уже искаженной картинкой возникает представление федеральной власти о территории, которое передается на нижестоящие уровни. Туда вместе с ресурсами спускаются и возможные направления, и параметры деятельности власти на нижестоящем уровне (областном, районном, поселенческом). Поскольку картина создана исходя из искаженной базы данных, то и рамка деятельности, очерченная вышестоящей властью, оказывается не вполне совпадающей или совсем не совпадающей с реальностью, которую предполагается упорядочивать и которой необходимо управлять. При этом власть, по крайней мере, на уровне района и поселения, прекрасно осознает настоящее положение дел, понимает отличия надуманной реальности, зафиксированной в документах, от истинной объективности [Кордонский, Дехант 2014], но легализовать свое «местное знание» она не может. В этом случае сконструированные ею условия (риски, угрозы, блага), под которые вышестоящая власть предоставляет ресурсы, просто рухнут.

Не меньшую опасность представляет и бездействие, вызывающее недовольство жителей, которые обладают собственным видением того, что в их пространстве должна делать власть. Свое представление они воплощают не только в неформальных промыслах, но и в письмах, жалобах вышестоящей власти, обращениях в прокуратуру. Каждое такое обращение – удар по местной власти, который может стать фатальным, тем более в описываемых выше условиях, когда реальный контроль над территориями маловероятен или трудноосуществим в силу их труднодоступности.

Компенсировать эту «вилку» угроз (при этом нужно не нарушить картину мира вышестоящего уровня и одновременно контактировать с реальными жителями реального пространства) может только особый агент, который достаточно свободен, чтобы соединить множество агентов, пребывающих на одной территории, но в разных пространствах. Таким агентом и становится «хозяин» тайги. Конечно, он прежде всего предприниматель, который зарабатывает деньги на всем, что находится в пространстве реки, – на лесозаготовках, животноводстве, логистике, перевозках, торговле, промыслах местного населения. Даже убыточное пассажирское сообщение с помощью областных дотаций начинает оправдывать себя, поскольку «хозяин» – основной перевозчик, у которого, вполне возможно, имеются контакты и с «черными» лесорубами, чей продукт, попадая на легальные склады и пристани, обретает законный статус.

Одновременно «хозяин» решает те самые социальные проблемы населения (транспорт, занятость, наличие электричества и дров на зиму и многое-многое другое), которые лежат в зоне ответственности местных властей. Власть снимает с себя и передает «хозяину» свои социальные функции, выносит их вовне, на «аутсорсинг». Тем самым «хозяин» позволяет местной власти, минимально отвлекаясь на удовлетворение требований жителей, спокойно осуществлять коммуникацию с властью областной, а населению в свою очередь все же получать жизненно необходимые блага. В сущности, именно по этой причине жители сопредельных к владениям «хозяина» территорий ждут, «когда он придет к власти». В свою очередь

от местной власти «хозяин» получает не только почетные грамоты, но и возможность оставаться «невидимым» в публичном пространстве.

«Хозяин» тайги авторитетен не только для поселений и района, но и для властей более высокого уровня. Одним из устойчивых мотивов, которые артикулировали все предприниматели, согласившиеся на интервью в ходе экспедиций, было утверждение, что они «восстанавливают» прежнее богатство территории. Но, в отличие от этих чаще всего декларативных заявлений, «хозяин» Т. это возрождение реализует практически: его работники составляют основное, пусть и не постоянное население уже пяти деревень; сам бывший населенный пункт выглядит как крупный поселок, почти городок; его стараниями прокладываются дороги, причем не временные (под задачи строительства трубопровода), а дороги, которыми могут пользоваться местные жители. На протяженной территории, отстоящей от владений «хозяина», появляются рабочие места, а наличие регулярного сообщения позволяет более эффективно использовать результаты местных промыслов. Иными словами, он позволяет власти и на местном, и на региональном уровнях, как и сотрудникам всероссийских холдингов, заявлять о своем благотворном влиянии присутствия на территории: результаты видны, на них можно указать, тем самым сохранить структуру договоренностей на ином уровне.

Без такой заинтересованности областной администрации вряд ли было бы возможно сохранение «невидимости» на уровне района или поселения, поскольку, как показывает опыт экспедиций, достаточно небольшого сбоя в системе договоренностей, чтобы агент стал «видимым» для репрессивного аппарата. Так, в ходе экспедиции 2021 г. нам рассказали о судьбе бывшего мэра г. Усть-Кута, который в бытность предпринимателем (главой предприятия «Леналессервис») выстроил поместье в «пустом пространстве». Однако это поместье мгновенно стало «видимым», как только предприниматель стал мэром: представители правоохранительных органов заинтересовались этими постройками, что и послужило причиной его ареста. Возможно, именно с пониманием этих рисков был связан отказ Т. от участия в политической деятельности: сам медиатор (а фактически эту функцию и осуществляет наш герой) не обладает властью или неким личным силовым ресурсом (во всяком случае, о наличии такого ресурса не упоминалось ни в одном интервью), но именно у него есть возможность мобилизовать власть, призвать ее в «пустое пространство», на территорию.

Заключение

В начале 2010-х гг. в качестве особого типа властных и хозяйственных акторов были описаны региональные «бароны» и губернаторы 1990-х [Bliakher 2013]. В условиях распадающегося социального пространства после крушения СССР подобные акторы смогли объединить очень разные, часто конфликтующие группы, задать правила игры на уровне субъектов федерации. Они были, в отличие от предшествующих им криминальных «крыш», вполне легальными властными фигурами, способными сообщить необходимую степень законности подвластным им агентам. Но их сила и власть строились не только на этом: они связывали население и бизнес, жителей регионального центра и отдаленных северных поселков,

региональную политику и ее электорат, разнообразные региональные сообщества и федеральный центр. По существу, с 1994 по 2004 г. они выступали главными медиаторами, определяющими характер и направленность развития страны, «сшивали» своей деятельностью социальную ткань.

Позднее стремительный рост цен на энергоносители позволил центральной власти отказаться от услуг этих медиаторов, а функцию глобального посредника стали выполнять центральная власть и ее «вертикаль» на территории, превращая последнюю в мир глобального закона. В настоящее время губернаторы из медиаторов, скрепляющих социальное пространство страны, преобразились в чиновников среднего уровня, агентов «вертикали», распределяющих средства по направлениям, заданным извне. Но наличие огромных слабозаселенных и не особенно обеспеченных связью территорий на востоке России привело к тому, что значительная их часть фактически оказалась в тени, стала «невидимой» и, что важно, неинтересной самому государству. Вполне очевидно, что фиксация сжатия социального пространства выступает отражением незаинтересованности государственной власти в контроле над этим пространством, точнее, значимым в данном случае становится опасение появления властного конкурента, репрезентирующего глобальный закон. Для этого вполне достаточно контролировать основные высокодоходные отрасли экономики и главные (имперские) города, выполняющие функции ресурсных центров на территории. Собственно, ситуация здесь вполне укладывается в теорию о «разных Россиях», описанную Н.В. Зубаревич и другими авторами географических классификаций [Зубаревич 2012]. Однако нас интересуют не столько «разные России» (мегаполисы, крупные и малые города, сельские поселения), сколько пространства, которые власть по той или иной причине сочла удобным для себя признать «пустыми», отсутствующими в статистике и отчетах. При этом если пространство можно признать «пустым» (сжавшимся), то господство над территорией остается важнейшим условием самосохранения власти и ее самооправдания [Каспэ 2008]. А для того чтобы у государственной власти сохранялась возможность контроля над территорией, необходим посредник между ней и социальным пространством, которое она воспринимает как территорию. Присутствие и контроль над территорией власть выносит на аутсорсинг и доверяет посреднику, в роли которого в нашем случае и выступает «хозяин» тайги (и не только он).

В разных участках обследованного пространства нами были обнаружены различные, менее крупные и еще менее видимые посредники. Все они, не являясь местными, так или иначе были связаны с местным пространством, реализовывали различные практики, обеспечивающие им укорененность, то есть «невидимость» со стороны властного дискурса, обладали возможностью мобилизации власти, присутствующей в отдалении, связывали ее и «мир реки». Важно и то, что все они, по крайней мере на уровне саморефлексии, возрождали родную землю: они не только практически выступали доверенными людьми власти (чаще районной), но и сращивали элементы территории в некое новое пространство, местный порядок, до определенного времени предпочитающий оставаться в тени.

Таким образом, можно предположить, что фигура медиатора не уникальна, а типична, по крайней мере, для фронтальных пространств. Сложится ли с помощью этих медиаторов некая новая консолидация социального пространства или они, как некогда региональные «бароны», исчезнут на очередном витке новейшей истории России, покажет ближайшее время. Однако это будет совсем другая история.

Список источников

- Барсукова С.Ю., Денисова-Шмидт Е.В. (2020) «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные компании? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 110–125. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08
- Бауман З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир.
- Бахтин М.М. (1986) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
- Бляхер Л.Е. (2005) Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН.
- Бляхер Л.Е. (2021) «Придорожная экономика» как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1. С. 47–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/47-55
- Бляхер Л.Е. Григоричев К.В. (2020) «Острова в тайге»: формы (ре)освоения «пустого пространства» на Востоке России // Политика. № 2. С. 158–181. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-158-181
- Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Пешков И.О. (2022) Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях // Мир России. Т. 31. № 3. С. 75–95. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-75-95
- Забелина О. (2004) Российская специфика «голландской болезни» // Вопросы экономики. № 11. С. 60–75. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-11-60-75
- Заборцева Т.И., Руднева В.А. (2016) Трансформация хозяйства и населения территорий Иркутского Севера в XXI веке // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. Т. 15. С. 28–43 // <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-hozyaystva-i-naseleniya-territoriy-irkutskogo-severa-v-xxi-veke/viewer>, дата обращения 31.01.2023.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2018) Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5
- Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д. (2018) Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07
- Зиновьев В.П. (2014) Экономические меры дисциплинарного воздействия на горнорабочих Сибири во второй половине XIX начале XX в // Вестник Томского государственного университета. № 382. С. 104–107.
- Зубаревич Н.В. (2012) Обитаемое и экономическое пространство России: вызовы сжатия и концентрации // Котляков В.М. (ред.) Вызовы XXI века: природа, общество, пространство. Ответ географов стран СНГ. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 279–289.
- Ильина В.И., Покровский Н.Е. (2016) Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. Научная монография. М.: Университетская книга.
- Каспэ С.И. (2008) Центры и иерархии. Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований.
- Кордонский С.Г., Дехант Д.К. (2014) Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. № 6. С. 52–58.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Моляренко О.А. (2018) Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия // ЭКО. № 1 (523). С. 23–29. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-1-23-29
- Позаненко А.А. (2018) «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Т. 27. № 4. С. 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55
- Романова Е.А., Виноградова О.Л., Фризина И.В. (2015) Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья // Балтийский регион. № 3 (25). С. 38–61. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-3
- Трейвиш А.И. (2010) «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. Материалы XXVII сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). М. С. 16–31.

- Трошина Т.И. (2016) Стратегии и практики коллективного самосохранения населения северной деревни: исторический опыт и современные реалии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2. С. 94–113. DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.6
- Филиппов А.Ф. (2009) Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 3–16 // <https://ihe.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/424/424>, дата обращения 31.01.2023.
- Штейнберг И.Е. (2021) Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 493–516 // <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2103/1607>, дата обращения 31.01.2023.
- Ardener E. (2012) “Remote Areas”: Some Theoretical Considerations // Journal of Ethnographic Theory, no 1–2, pp. 519–533. DOI:10.14318/hau2.1.02
- Bliakher L. (2013) The Regional Barons // Russian Politics and Law, vol. 51, no 4, pp. 30–39. DOI: 10.2753/RUP1061-1940510403
- Bliakher L.E., Grigorichev K.V., Peshkov I.O., Elokhina Yu.V. (2021) The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021 // Northern Archives and Expeditions, vol. 5, no 4, pp. 25–40. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-25-40
- Harvey D. (2008) The Right to the City // New Left Review, October // <https://newleftreview.org/issues/ii53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city>, дата обращения 11.12.2022.
- Hochberg G.Z. (2015) Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone, Durham and London: Duke University Press.
- Luke T.W. (1996) Identity, Meaning and Globalization: Detraditionalization in Postmodern Space-Time Compression // Detraditionalization (eds. Heelas P., Lash S., Morris P.), Oxford: Blackwell, pp. 109–133.

Outsourcing Power or the Mediators of “Empty Space”

L.E. BLIAKHER*, K.V. GRIGORICHEV**, A.V. KOVALEVSKY***

***Leonid E. Bliakher** – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pacific National University”, Khabarovsk, Russian Federation, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Konstantin V. Grigorichev** – DSc in Sociology, Professor, Vice-Rector for Research and International Affairs, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University”, Irkutsk, Russian Federation, grigoritchev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-5658>

*****Andrey V. Kovalevsky** – Junior Researcher, Department of Scientific Research, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pacific National University”, Khabarovsk, Russian Federation, kovalevskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1576-337X>

Citation: Bliakher L.E., Grigorichev K.V., Kovalevsky A.V. (2023) Outsourcing Power or the Mediators of “Empty Space”. *Mir Rossii*, vol. 32, no 2, pp. 97–119 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-97-119

This work was supported by the NGO “Russian Geographical Society”, grant № 18/2022-R.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in January 2023.

Abstract

This article analyzes the social processes which unfold in what we identify as “empty space”, i.e., space not being penetrated by state power and representing merely a geographical territory (or the space literally in the Cartesian sense, stripped of its social dimension). During a series of expeditions into such “empty spaces” (2018–2022), we discovered that a special “local order” is emerging in this power vacuum that exists alongside the “global projects” that only formally involve these territories. We metaphorize the “emptiness” itself as a blanket under which the emerging “local order” becomes invisible and evasive. The large state corporations which are present in this space with the declarative purpose of domesticating it, or “bringing it to life”, do not truly overlap with the “local order”. The corporate settlements are situated too far apart, and their infrastructure is inaccessible by the locals. For the different levels of power (i.e., district, province, and state), the corporations, and the local world to interconnect, an effective mediator is needed that could interact with the “emptiness” (rather than merely represent the state power), and be able to mobilize power. We describe one such possible mediator, discovered during fieldwork. It seems to be underpinning a local order that is able to coexist with the state power while remaining “invisible” and not challenging the former.

Keywords: *social space, spatial shrinkage, “social void”, periphery of power, territory, global order, local order, power, corporations, mediators*

References

- Ardener E. (2012) “Remote Areas”: Some Theoretical Considerations. *Journal of Ethnographic Theory*, no 1–2, pp. 519–533. DOI:10.14318/hau2.1.02
- Bakhtin M.M. (1986) *Aesthetics of Verbal Creation*, Moscow: Art (in Russian).
- Barsukova S.Yu., Denisova-Schmidt E.V. (2020) “Political Investments” by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns? *Polis. Political Studies*, no 3, pp. 110–125 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08
- Bauman Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences*, Moscow: The Whole World (in Russian).
- Blyakher L.E. (2005) *Unstable Social States*, Moscow: ROSSPAN (in Russian).
- Bliakher L. (2013) The Regional Barons. *Russian Politics and Law*, vol. 51, no 4, pp. 30–39. DOI: 10.2753/RUP1061-1940510403
- Bliakher L.E. (2021) “Roadside Economy” as a Form of Survival of Small Towns in the South of the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*, no 1, pp. 47–55 (in Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/47-55
- Bliakher L.E., Grigoriev K.V. (2020) “Islands in Taiga”: Forms of (Re)Development of “Empty Space” in The East of Russia. *Politeia*, vol. 96, no 2, pp. 158–181 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-158-181
- Bliakher L.E., Grigoriev K.V., Peshkov I.O. (2022) Managing Emptiness or the Features of Power Relations in Inter-settlement Territories. *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 75–95 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-75-95
- Bliakher L.E., Grigoriev K.V., Peshkov I.O., Elokhina Yu.V. (2021) The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021. *Northern Archives and Expeditions*, vol. 5, no 4, pp. 25–40. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-25-40
- Filipov A.F. (2009) The Empty and the Filled: The Transformation of the Public Place. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 3–16. Available at: <https://ihe.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/424/424>, accessed 31.01.2023 (in Russian).

- Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*, October. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city>, accessed 31.03.2022.
- Hochberg G.Z. (2015) *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*, Durham and London: Duke University Press.
- Ilyina V.I., Pokrovskiy N.E. (2016) *Urbanites in the Countryside. Sociological Research in the Russian Hinterland: De-urbanization and Rural-urban Communities*. Scientific monograph, Moscow: University Book (in Russian).
- Kaspe S.I. (2008) *Centers and Hierarchies. Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form*, Moscow: Moscow School of Political Studies (in Russian).
- Kordonsky S.G., Dekhant D.K. (2014) Neutralization of Threats as Form of Activity of Authorities. *Microeconomics*, no 6, pp. 52–58 (in Russian).
- Lefebvre H. (2015) *The Production of Space*, Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Luke T.W. (1996) Identity, Meaning and Globalization: Detraditionalization in Postmodern Space-Time Compression. *Detraditionalization* (eds. Heelas P., Lash S., Morris P.), Oxford: Blackwell, pp. 109–133.
- Molyarenko O.A. (2018) Isolation between the Authorities and the People in Rural Areas: Causes and Consequences. *ECO*, no 1 (523), pp. 23–29 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-1-23-29
- Pozanenko A.A. (2018) “Separate Republic Type”: Structural Features of Spatially Isolated Local Rural Communities. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 31–55 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55
- Romanova E.A., Vinogradova O.L., Frizina I.V. (2015) Social and Economic Space Compression in Border Areas: The Case of the Northwestern Federal District. *Baltic Region*, no 3 (25), pp. 38–61 (in Russian). DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-3
- Shteinberg I.E. (2021) The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 493–516. Available at: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2103/1607>, accessed 31.01.2023 (in Russian).
- Treyvish A.I. (2010) “Compression” of Space: Interpretation and Models. *Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of Its State Regulation*. Proceeding of the XXVII session of the Economic-Geographical Section of the International Academy for Regional Development and Cooperation, Moscow, pp. 16–31 (in Russian).
- Troshina T.I. (2016) Strategies and Practices of Collective Self-preservation of the Population Northern Village: Historical Experience and Modern Realities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no 2, pp. 94–113 (in Russian). DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.6
- Zabelina O. (2004) The Russian Specificity of “Dutch Disease”. *Voprosy Ekonomiki*, no 11, pp. 60–75 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2004-11-60-75
- Zabortseva T.I., Rudneva V.A. (2016) Transformation of Economy and Population of the Irkutsk North in the XXI Century. *Izvestia of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences*, no 15, pp. 28–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-hozyaystva-i-naseleniya-territoriy-irkutskogo-severa-v-xxi-veke/viewer>, accessed 31.01.2023 (in Russian).
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2018) The New Theory of the Arctic and Northern Development: Multiscale Interdisciplinary Synthesis. *Arctic and North*, no 31, pp. 5–27 (in Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5
- Zamyatina N.Yu., Yashunsky A.D. (2018) Virtual Geography of Virtual Population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 117–137 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07
- Zinoviev V.P. (2014) Economic Disciplinary Measures against Siberian Miners in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik of Tomsk State University*, no 382, pp. 104–107 (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2012) Russia’s Habitable and Economic Space: Challenges of Contraction and Concentration. *Challenges of the XXI Century: Nature, Society, Spaces. The Answer of Geographers of the CIS Countries* (ed. Kotlyakov V.M.), Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdanij KMK, pp. 279–289 (in Russian).